

Ю. Ю. ШЕВЧЕНКО

ОБЛОМОВЩИНА КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ

В статье анализируется языковая репрезентация динамики перцептивно-образного, понятийного и ценностного компонентов индивидуально-авторского концепта ОБЛОМОВЩИНА на материале рецензии Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?». Определяются отличия в трактовке концепта автором романа «Обломов» И. А. Гончаровым и литературным критиком.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт, лингвокультурология, аксиологический вектор.

Художественное творчество является неотъемлемой частью культуры, а регулярное потребление его продуктов — непременным атрибутом повседневной жизни каждого индивида. Объектами отражения и, следовательно, основаниями для формирования концептов становятся не только элементы окружающего нас материального мира, но и порождения воображаемых авторских или фольклорных миров. Концепты этих миров усваиваются сознанием в результате знакомства с произведениями художественной литературы и других видов искусства. В современной нарратологии для обозначения такого свойства художественного текста, как вымышленность изображаемого в нём мира, используется термин «фикциональность» [13, с. 73]. По мнению Г. Г. Слышкина, наличие фикциональной составляющей есть непременная характеристика лингвокультурного концепта: «по сути, фикциональная наполненность концепта — частное проявление его ценностной природы: чем актуальнее ценность для социума, тем интенсивнее её воплощение в художественных образах» [13, с. 73]. Именно поэтому для лингвокультурологии, с провозглашаемым ею приматом ценностной составляющей концептов, актуальность изучения их фикциональной природы достаточно высока.

В современной лингвистике нередки исследования индивидуальных концептов в творческом наследии писателей [1; 2; 8]. Л. В. Миллер определяет феномен индивидуально-авторского концепта как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и <...> психоментальной сфере определённого этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [9]. Мы полагаем, что можно говорить о языковой объективации индивидуально-авторского концепта ОБЛОМОВЩИНА в работе «Что такое обломовщина?» Н. А. Добролюбова. Цель данной статьи — проанализировать начальный этап существования обозначенного концепта как индивидуально-авторского с позиций лингвокультурологии. В наши задачи входит: 1) проследить развитие образно-перцептивной, понятийной и ценностной составляющих концепта; 2) сравнить словообразовательные и лексико-семантические особенности функционирования языковых единиц, репрезентирующих номинативное поле концепта в тексте романа и статьи; 3) обратить особое внимание на аксиологическое измерение концепта, являющееся ключевым для лингвокультурологического угла зрения.

В течение года после публикации романа И. А. Гончарова «Обломов» появилось около десятка посвящённых ему рецензий [11, с. 9]. Образы и явления, описанные в произведении, спровоцировали активную общественно-критическую дискуссию. Особое место в литературно-критическом дискурсе того времени занимает статья Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», ставшая самым значительным явлением в истории критического осмысления романа. «Многие поколения русских читателей воспринимали «Обломова» по Н. А. Добролюбову. Да и критики, даже если они не принимали его концепцию, так или иначе учитывали её, писали с оглядкой на Н. А. Добролюбова. Статья была у всех «на слуху» [11, с. 5]. Именно *обломовщина* является в ней ключевым понятием, вынесенным в заглавие и определяющим для критика концепцию романа.

Работа Н. А. Добролюбова — классический пример публицистической критики, для которой литературное произведение становится «поводом» для оценки действительности. Поэтому акцент в ней сделан не на характере, индивидуальности главного героя, а на сущности общественного и социального явления, связанного с формированием характера героя. «Главное здесь, — пишет Н. А. Добролюбов, — не *Обломов*, а *обломовщина*» [6, с. 47]. Сам И. А. Гончаров под впечатлением только что появившейся статьи писал в письме П. В. Анненкову: «Мне кажется, об *обломовщине*, то есть о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя» [4, с. 323].

Имея в виду роман и статью, исследователи отметили: «...собственно говоря, мы имеем два произведения — художественное и критико-публицистическое — на одну тему» [3, с. 769]. Та-

ким образом, в самом процессе формирования лингвокультурного концепта ОБЛОМОВЩИНА соединяются художественный и критический дискурсы, причём достаточно сложно определить, роль какого из них является доминирующей для дальнейшего развития концепта.

Идеи и черты характера, носителем которых стал главный герой романа «Обломов», оказались столь актуальными для русской лингвокультуры, что вскоре имена *Обломов* и *обломовщина* стали нарицательными. Один из известнейших литературных критиков-современников И. А. Гончарова А. В. Дружинин говорит: «*Обломов и обломовщина*: эти слова не даром облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи. Они разъяснили нам целый круг явлений современного нам общества, они поставили перед нами целый мир идей, образов и подробностей, ещё недавно нами не вполне сознанных, являвшихся нам как будто в тумане ... Обломова изучил и узнал целый народ, по преимуществу *богатый обломовщиной*, — и мало того, что узнал, но полюбил его всем сердцем, потому что невозможно узнать Обломова и не полюбить его глубоко» [7, с. 112]. Ещё один современник автора, Д. И. Писарев так отзываясь о наименовании, предложенном И. А. Гончаровым: «слово *обломовщина* не умрёт в нашей литературе: оно составлено так удачно, оно так осязательно характеризует один из существенных пороков нашей русской жизни, что, по всей вероятности, из литературы оно проникнет в язык и войдет во всеобщее употребление» [12, с. 72].

Частотность употребления в анализируемой статье лексемы *обломовщина* (девять раз, включая название, — столько же, сколько в романе) свидетельствует об авторском внимании к этой категории. В истории, изложенной И. А. Гончаровым, по мнению Н. А. Добролюбова, «...предстаёт перед нами живой, современный русский тип, отчеканенный с беспощадной строгостью и правильностью, в ней сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесённое ясно и твёрдо, без отчаяния и ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это — *обломовщина*; оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придаёт роману Гончарова гораздо более общественного значения, нежели сколько имеют его все наши обличительные повести. В типе Обломова и во всей этой *обломовщине* мы видим нечто более, нежели просто удачное создание сильного таланта; мы находим в нём произведение русской жизни, знамение времени...» [6, с. 40].

Кроме непосредственно онима *Обломов*, топонима *Обломовка* (родовое имение главного героя) и авторского окказионализма *обломовщина*, в тексте романа используются и другие отономастические производные: *обломовцы* (жители Обломовки), *обломовская атмосфера*, *обломовская утопия*, *обломовский стиль* и др. Н. А. Добролюбов, активно используя лексику *обломовцы* (11 словоупотреблений), меняет её первичное значение. Этим наименованием он объединяет «лишних людей» — героев предшествующей литературы (Онегина, Печорина, Рудина и др.) и Обломова: «над всеми этими лицами тяготеет одна и та же *обломовщина*, которая кладёт на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете» [6, с. 54]; их неудачи в общественной и личной жизни вызваны «давлением на них гнусной *обломовщины*» [6, с. 56]; роднит их «бесплодное стремление к деятельности, сознание, что из них многое могло бы выйти, но не выйдет ничего» [6, с. 56]; «самое искреннее, душевное их стремление есть стремление к покою, к халату, и самая деятельность их есть не что иное, как почётный халат <...>, которым прикрывают они свою пустоту и апатию» [6, с. 56] и другие характеристики. В целом, их оценка автором отрицательна, о чём свидетельствует снисходительность и ироничность синонимических словосочетаний «*братья обломовской семьи*», «*вместе с Обломовым и всей этой компанией*», «*трусость у всех этих господ непомерная*», «*братья обломовцы*». Обратим также внимание на употребление имени собственного *Обломовы* во множественном числе: «*Это уже Обломовы в собственном смысле*», «*Обломовы иначе отвечать не могут*», «*мы ещё по-прежнему Обломовы*».

В статье критика индивидуальный литературный концепт, созданный И. А. Гончаровым, приобретает отчётливое социальное содержание и признаки национальной ментальности, тем самым значительно расширяется и контекст его употребления. *Обломовщина* в трактовке Н. А. Добролюбова имеет общенациональные масштабы, отсюда местоимение «наша» в её характеристике: «...*обломовщина* никогда не оставляла нас и не оставила даже теперь» [6, с. 64]; «*Гончаров, умевший понять и показать нам нашу обломовщину*» [6, с. 63]; «*Обломовка есть наша прямая родина... В каждом из нас сидит значительная часть Обломова*» [6, с. 63] и т. д.

Изначальный набор когнитивных признаков концепта, предложенный автором романа (с положительной оценкой, данной ей главным героем — «покой», «заслуженный отдых», «почётное бездействие»; с отрицательной — «разруха», «запустение», «неряшливость», «неаккуратность», «инертность», «безволие», «слабость», «непрактичность», «лень» и «апатия»), в статье расширяется и соотносится со словами или словосочетаниями со значением «отвращение от серьёзной и самобытной деятельности», «нравственное рабство», «безделие», «апатия ко всему, что делается на свете», которые употребляются преимущественно как социальные характеристики поведения

и личности *Обломова* или *Обломовых*. Таким образом, Н. А. Добролюбов развивает, в первую очередь, понятийную и ценностную составляющие концепта.

В. И. Даль, включив слово *обломовщина* в «Толковый словарь живого великорусского языка», снабдил его пометой «усвоено из повести Гончарова» и пояснил, как следует его понимать: «русская вялость, лень, косность, равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости; привычка ожидать всего от других, а ничего от себя; непризнание за собою никаких мирских обязанностей, по пословице: на других надеется, как на Бога, а на себя, как на чёрта» [5]. Сославшись на роман И. А. Гончарова, В. И. Даль в то же время учитывает ту интерпретацию, которую дал этому концепту Н. А. Добролюбов.

Итак, авторский отономастический окказионализм *обломовщина*, сконструированный и представленный в романе И. А. Гончарова «Обломов» позволил обрести однословную номинацию концепту, описанному в произведении и получившему в дальнейшем широкое распространение в русской культуре. Этот факт позволил нам рассматривать данный концепт, по крайней мере, на раннем этапе своего существования, как индивидуально-авторский. Динамика концепта напрямую связана с двумя трактовками: автора наименования концепта и Н. А. Добролюбова. Вариант И. А. Гончарова, существенно развивший перцептивно-образный и ценностный компоненты концепта *обломовщина*, лёг в основу словарных определений лексемы. Понятийный компонент концепта представлен прежде всего когнитивными признаками 'лень', 'апатия', 'безволие' и соотносится с ценностным — оценкой нравственно-психологических качеств личности. Трактовка же Н. А. Добролюбова позволила имени концепта из литературного явления стать фактом общественно-политической жизни и отправной точкой в дальнейшем развитии идеологической составляющей концепта. Так, в примечаниях к статье автора издания 1970 года отмечается: «Добролюбовское понимание образа *Обломова* и «*обломовщины*» как категории общественно-политического и социально-исторического порядка вошло в широкий литературный оборот. Статья «Что такое обломовщина?», вызвав бурю негодования в кругах консервативной, либерально-дворянской и буржуазной общестственности, необычайно высоко оценена была читателями революционно-демократического лагеря. О значимости и актуальности этого обобщения свидетельствует и многократное использование понятия «обломовщина» в статьях и речах В. И. Ленина» [10]. Однако идеологемный вектор динамики концепта ОБЛОМОВЩИНА требует специального изучения.

Аксиологический уровень концепта в тексте романа подвергается значительным изменениям (от положительной оценки главным героем в начале до категорически негативной в последующем изложении). И ещё больше усугубилась и закрепились негативная оценочность в работе Н. А. Добролюбова.

Полагаем, что эволюция концепта, его функционирование в современной русской концептосфере и в индивидуальном языковом сознании представляет особый интерес для лингвокультурологии и будет являться предметом дальнейших исследований.

1. *Ананьина М. А.* Индивидуальный концепт имени Прометей в драме П. Б. Шелли «Прометей освобождённый» / М. А. Ананьина // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29—31 авг. 2006 г.). — Кемерово: Полиграфкомбинат, 2006. — С. 463—468.

2. *Беспалова О. Е.* Концептосфера поэзии Н. С. Гумилёва в её лексическом представлении: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. Е. Беспалова. — СПб., 2002. — 24 с.

3. *Викторович В. А.* Примечания / В. А. Викторович, Г. В. Краснов // Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений: в 3-х т. — М., 1987. — Т. 2. — С. 769.

4. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: в 8 т. / И. А. Гончаров. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955. — Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. — 1955. — 576 с.

5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [Электронный ресурс] / В. И. Даль. — Режим доступа: <http://dal.sci-lib.com/word020481.html>

6. *Добролюбов Н. А.* Что такое обломовщина? / Н. А. Добролюбов // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост., авт. вступ. статьи и комментариев М. В. Отрадин. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — С. 34—68.

7. *Дружинин А. В.* «Обломов». Роман И. А. Гончарова / А. В. Дружинин // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост., авт. вступ. статьи и комментариев М. В. Отрадин. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — С. 106—125.

8. *Лунина И. В.* Концепты «ЧЕЛОВЕК» — «ПРОСТРАНСТВО» — «ВСЕЛЕННАЯ» в новеллах С. Д. Кржижановского // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29—31 авг. 2006 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: Полиграфкомбинат, 2006. — С. 707—712.

9. *Миллер Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова — 2000. — № 4. — С. 39—45.

10. *Оксман Ю. Г.* Примечания / Ю. Г. Оксман // Добролюбов Н. А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. — М.: Наука, 1970. — 380 с.

11. *Отрадин М. В.* «Обломов» в зеркале времени / М. В. Отрадин // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — С. 3—19.

12. Писарев Д. И. Роман Гончарова «Обломов» / Д. И. Писарев // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике : сб. статей / сост., авт. вступ. статьи и комментариев М. В. Отрадин. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — С. 68—99.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : дисс. ... канд. филол. наук / Г. Г. Слышкин. — Волгоград, 1999. — 322 с.

Ю. Ю. Шевченко

ОБЛОМОВЩИНА ЯК ІНДИВІДУАЛЬНО-АВТОРСЬКИЙ КОНЦЕПТ

У статті аналізується мовна репрезентація динаміки перцептивно-образного, понятійного та ціннісного компонентів індивідуально-авторського концепту ОБЛОМОВЩИНА на матеріалі рецензії М. О. Добролюбова «Що таке обломовщина?». Визначаються відмінності в трактуванні концепту автором роману «Обломов» І. О. Гончаровим і літературним критиком.

Ключові слова: індивідуально-авторський концепт, лінгвокультурологія, аксіологічний вектор.

Yu. Yu. Shevchenko

OBLOMOVSHCHINA AS INDIVIDUAL AND AUTHOR'S CONCEPT

The main purpose of the paper is to represent of perceptual and figurative, conceptual and valuable components dynamics of an individual and author's concept OBLOMOVSHCHINA. This research was based on the review of N. A. Dobrolyubov "That such an oblovovshchina is analyzed?". Differences in the interpretation of this concept by I. A. Goncharov, the author of the novel "Oblovov", and by literary critic N. A. Dobrolyubov are defined.

Key words: individual and author's concept, lingual culture, axiological vector.

Стаття надійшла до редакції 2.02.2013 р.

УДК 811.133.1'276.3-055.2:159.922.1:821.133.1

Л. Р. КОККІНА

ЕВОЛЮЦІЯ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ ЖІНКИ БАЛЬЗАКІВСЬКОГО ВІКУ У ФРАНЦУЗЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

Стаття присвячена дослідженню еволюції мовної картини світу тридцятирічної жінки у французькій літературі, встановленню конвергентних та дивергентних рис у використанні мовних засобів при створенні її образу на матеріалі творів О. Бальзака та А. Коломб'є-Ошберг.

Ключові слова: мовна картина світу жінки, конвергенція, дивергенція, гендерні стереотипи, авторська позиція, Бальзак, Коломб'є-Ошберг.

Протягом усього періоду розвитку світової літератури чимало уваги приділялося образу жінки так званого «бальзаківського віку». Провідним напрямком лінгвістичної гендерології є вивчення питань, пов'язаних з особливостями мовних особистостей жінок-авторів і відображенням мовних картин світу літературних героїнь-жінок [1; 3; 6].

Об'єктом нашого дослідження є мовна картина світу тридцятирічної жінки та її еволюція у творах французької літератури. Матеріалом для порівнянь і дослідження діакронії ми обрали мовні засоби творення портретів героїнь роману О. Бальзака «La femme de trente ans» [7] і роману сучасної французької письменниці А. Коломб'є-Ошберг «Mes amies, mes amours, mais encore?» [8].

Особливості написання літературного портрету Жюлі д'Еглемон були неодноразово досліджені як літературознавцями, так і лінгвістами [2; 4; 10]. Ретельного ж аналізу образу Жанни, центрального персонажу твору «Mes amies, mes amours, mais encore?» у порівняльному аспекті ще проведено не було, у всякому разі, ні в періодичних спеціалізованих виданнях, ні на теренах Інтернету такої інформації не виявлено. Таким чином, актуальність та новизна встановлення конвергентних та дивергентних рис у використанні засобів французької мови задля створення образу тридцятирічної жінки у різні епохи є незаперечними. Виявлені закономірності мають певним чином відбивати ідеологічні зміни у суспільстві та органічно пов'язувати трансформацію гендерних концептів і нові мовні тенденції у відтворенні жіночих психотипів у французькій літературі.

Розробка зазначеного образу, можливість розуміння місця тридцятирічної жінки в сучасному для письменника світі надихала численних французьких авторів ХІХ ст., серед яких були